

Новое и традиционное о русских монетах на территории Беларуси в первой половине XVII в.

Валерий КОБРИНЕЦ

Научный сотрудник
ГУ «Музей Белорусского
Полесья» (г. Пинск)

Рисунок 2

В XVII в. белорусские земли входили в состав Великого Княжества Литовского, которое было объединено с Польским королевством в федерацию – Речь Посполитую. В денежном обращении данного государства участвовали монеты разных стран Европы, в том числе и Русского царства. Основным монетным номиналом последнего была высокопробная серебряная «проволочная» копейка. На лицевой стороне она имела изображение всадника с копьём (рисунок 1). На половинной фракции копейки (денге) всадник держал в руке не копьё, а саблю (рисунок 2). С этим связано одно из наименований монеты – «денга-сабляница».

Рисунок 1

Одним из источников массовых включений русских монет в рыночную жизнь Речи Посполитой в начале XVII в. стало передвижение по ее землям в Русское царство и обратно западноевропейских наемников. Эти люди принимали активное участие в событиях русской Смуты, или Смутного времени (1598–1613 гг.). Часть из них находилась на службе у русского царя, некоторые же занимались грабежом населения. В результате и у тех и у других на руках оказывались денежные накопления, с которыми они возвращались к себе на родину. Чаще всего путь наемников пролегал через белорусские земли. После окончания Смуты объем поступления русских монет на белорусские земли значительно сократился. В мирное время русскому правительству удавалось более последовательно проводить политику запрета вывоза монетного серебра за пределы страны [1, с. 234; 2, с. 427].

В работах по нумизматике и экономической истории Беларуси тема применения русских монет на рынках белорусских земель в первой половине XVII в. недостаточно проработана. Во многом сложившаяся ситуация обусловлена предметом исследования: среди находок и упоминаний в документах русские монеты были представлены более чем скромно [3, с. 162 № 21, с. 163 № 26, с. 171 № 64, с. 172 № 67; 4, с. 123; 5, с. 184–185, 198–199].

В отечественной историографии по нумизматике Беларуси до последнего времени бытовало суждение о скромной роли русских эмиссий в денежном обращении как в целом на территории, так и в отдельных регионах. Об этом неоднократно писали В.Н. Рябцевич [2, с. 427; 3, с. 153–154, 158–159; 4, с. 123; 5, с. 222; 6, с. 178], И. Н. Колобова [7, с. 226], Д.В. Рябцевич [8, с. 197; 9, с. 214; 10, с. 197;

11, с. 220], В.А. Кобринец [12, с. 76]. Традиционно считается, что продукция денежных дворов России чаще, чем в рыночных отношениях, использовалась во внеэкономической сфере [5, с. 223; 8, с. 197–198; 9, с. 214]. В работах по экономической истории Беларуси применение денег Русского царства в торговых связях и долговых отношениях рассматривалось незначительно [13, с. 9; 14, с. 138–139].

До настоящего времени в исследовании роли русских монет в истории денежного обращения белорусских земель первой половины XVII в. слабо задействован огромный пласт архивных данных. Тем не менее эти свидетельства имеют значительный информативный потенциал. К примеру, привлечение новых документов позволило не только расширить базу источников, но и провести более детальную реконструкцию использования русских денег на рынках восточной части территории Беларуси в последней четверти XVI в. Было установлено, что на этих землях русские монеты активно применялись в кредитовании и внешней торговле [15, с. 158].

Основным источником данной статьи послужили Актовые книги Могилевского магистрата первой половины XVII в., хранящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ, ф. 1817, оп. 1, д. 6–11, 13, 14, 16–19). Дополнительно привлекалась информация, выявленная в таких опубликованных сборниках документов, как «Акты Виленской археографической комиссии», «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси», «Историко-юридические материалы», «Русско-белорусские связи» [1; 16; 17; 18; 19; 20]. В результате их обработки было установлено, что более чем в 60 документах есть упоминания о русских монетах.

Письменные источники зарегистрировали как традиционное восприятие жителями Речи Посполитой продукции денежных дворов России, так и ряд новых явлений. В первой половине XVII в. для русских денег могилевские горожане использовали несколько собирательных названий – «деньги», «деньги Московские», «копейки», «копейки Московские», «гроши Московские».

В актах различного содержания, происходящих из восточной части белорусских земель, приводятся крупные составляющие элементы московской денежной системы – алтын, гривна, полтина, рубль. Эти русские денежные знаки не были представлены монетами, а несли в себе исключительно счетное понятие. Так, алтын был равен 3 копейкам или 6 деньгам, гривна – 10 копейкам, полтина – 50 копейкам, рубль – 100 копейкам. Кроме того, в сборниках актов упоминается и самый крупный монетный номинал Русского царства – копейка. К примеру, наиболее ранний зафиксированный случай упоминания связан с обращением 24 октября 1620 г. в могилевский суд райцы¹ Яроша Казана. Он обвинил мещанина Ивана Калачника в том, что на городском рынке тот ограбил его поместье для торговли. Среди украденного имущества оказалось копеек на

4 злотых² [5, с. 185; 20, с. 360]. Позднее копейки неоднократно фигурируют в ряде иных документов мещан Могилева и Вильно [5, с. 198; 17, с. 136; 21, л. 37–37 об., 903 об.–907].

На землях Речи Посполитой русские копейки пользовались хорошей репутацией. Как засвидетельствовало одно из постановлений специальной комиссии Варшавского сейма 1616 г., на территории государства был наложен запрет на обращение в стране мелкой чужеземной монеты, за исключением пражских грошей, венгерских денариев и «старых денег (*копеек*. – В.К.) Московских» [4, с. 116; 5, с. 184; 22, с. 175]. В последних следует видеть скорее более тяжеловесные монеты XVI в. – начала XVII в., а не меньшие по весу копейки и денги царя Михаила Федоровича Романова (1613–1645). Это возможно проследить как по письменным источникам, так и по нумизматическому материалу. Так, в 1628 г. для того чтобы уговорить вяземского купца Никифора Балакина приехать в Могилев, могилевский торговец Михаил Григорьевич обещал рассчитаться «копейками старыми» [23, л. 996–998]. В 1643 г. в составе имущества покойной жены мещанина Максима Парфеновича названо 150 «копеек старых» [24, л. 185 об.]. В депозитах первой половины XVII в., в которых имеется в наличии значительное число русских монет, копейки Михаила Федоровича присутствуют в минимальных количествах, в отличие от денежной продукции более ранних правителей (от Ивана IV Грозного до Василия Шуйского) [25, с. 76–77].

О достаточно широком применении русских монет в денежном обращении белорусских земель косвенно свидетельствуют материалы раскопок Снядинского могильника (Петриковский район, Гомельская область). В части его погребений найдены копейки Михаила Федоровича (1613–1645). По мнению белорусского археолога О.В. Йова, «в погребение, как правило, помещались монеты разменных номиналов, т. е. наиболее распространенных среди широких слоев населения» [26, с. 121].

В последней четверти XVI в. завершился процесс включения русских монет в денежное обращение Великого Княжества Литовского. Местное население называло их «готовыми грошами» (т. е. наличными деньгами), считало на копы³ литовских грошей и обменивало по курсу на собственные деньги. В первой половине XVII в. к старым признакам добавился новый элемент – счет на злотые [5, с. 198–199; 16, с. 371, 415; 17, с. 136; 20, с. 360]. В течение первой половины XVII в. обменный курс копейки не был постоянным. Известны несколько его показателей – не более 0,92 литовского гроша (1602 г.), 1 польский грош или 0,8 литовского гроша (1604–1618 гг.), 1,5 польского гроша (1622 г.), 1,833–1,875 польского гроша (1635 г.), 2 польских гроша (1638 г.), 1,8 польского гроша (1641 г.), 1,44 литовского гроша (1645 г.), 1,778 литовского гроша или 2,22 польского гроша (1649 г.) [27, с. 3–5; 28, л. 31 об.; 29, л. 688 об.–689; 30, л. 158 об.–159, 173–173 об.].

После подписания между Речью Посполитой и Русским царством Деулинского перемирия (январь

¹ Райца – член магистрата.

² Злотый – счетная денежная единица, равная 30 польским грошам.

³ Копя – счетная денежная единица, равная 60 литовским грошам.

1619 г.) основным источником поступления русских монет на рынки Беларуси вновь стали торговые контакты. Еще с конца XVI в. важную роль в них играли могилевские купцы. Кроме того, распространителями денежной продукции русских царей в Беларуси были также жители восточного пограничья Речи Посполитой. Они совершали поездки за рубеж за мелкими покупками: тканью (холстом), солью и др. Возвращаясь, привозили домой монеты страны-соседки [1, с. 195–196].

В письменных свидетельствах русские деньги упоминались по нескольким причинам. К примеру, известны единичные случаи оценки предметов. Так, в 1641 г. стоимость жемчужной «тканьки»⁴ составила 4 фунта серебра, каждый фунт по 7 московских рублей [24, л. 560 об.].

Широко распространенным явлением и важным средством организации торговли белорусских купцов был кредит. Его условия и формы были самыми разнообразными – прием или передача на хранение, беспроцентные ссуды, ростовщичество, залог и др. В части из них отмечено использование русских денежных знаков. Наименьшее известное количество русских монет в 5 алтын (15 копейки) в 1628 г. взял в долг некий Петр Юрьевич у могилевского мещанина Омельяна Тарасовича [23, л. 829 об.]. Самая крупная известная сумма займа фигурирует в документе от 17 июня 1628 г. – 1200 рублей и 37,5 копейки. Их на нужды могилевского бурмистра Федора Филипповича получил мещанин Игнат Герасимович от другого мещанина Стефана Федоровича. В Вязьме Игнат купил товар на еще большую сумму – 1203 рубля и 85 копеек [23, л. 541 об.]. Кредиторами для купцов Могилева выступали не только земляки, но и нередко подданные русского царя из Москвы, Вязьмы, Ярославля и Брянска.

Наряду с русскими монетами в состав ссуды могли входить средства в денежных знаках иных стран. Известно, что будучи в Вязьме в 1643 г. могилевский мещанин Логвин Омельянович передал на хранение другому мещанину Виктору Уласовичу талеры, тройные гроши и «копейки московские» [24, л. 723]. 23 сентября 1628 г. еще один могилевский мещанин Омельян Тарасович обвинил некоего Петра Юрьевича в том, что тот не хочет возвращать одолженные 119 талеров и 5 алтын [23, л. 829 об.].

Каждый вид кредита имел свои особенности при оформлении и заключении. Так, устно заключались сделки такой беспроцентной доверительной ссуды, как передача на хранение – «до поверанных рук до схованя». В документах указывается разное количество одолженных средств. К примеру, 18 марта 1619 г. Наум Цадкович сообщил в суде, что он дал Иву Радковичу 150 рублей «денегъ» [31, л. 454]. Менее значительную сумму копеек на 7,5 копы литовских грошей между 1618 г. и 1628 г. буйницкий державца⁵ Федор Иванович Тарасенка получил от могилевского землянина⁶ Болтромаея Манковского [23, л. 38].

Кроме того, известны аналогичные операции на 14 и 15 рублей [24, л. 723; 29, л. 439 об.].

Также в устной форме оформлялись ссуды на «позыку» – обычный долг, не ограниченный никакими условиями. К примеру, 9 сентября 1602 г. мещанин Корней Лахтионович за себя лично и своих наследников обязался в течение двух лет вернуть смоленцу Миките Пешонкину 9 «рублей московских» частями по 4 и 5 рублей [28, л. 56 об.–57]. В Актовых книгах Могилевского магистрата фиксируются и совсем незначительные суммы долга в русских монетах – 5 алтын (15 копеек) и 20 копеек [23, л. 829 об.; 32, л. 297 об.–298]. В документах указывались также и очень крупные суммы. К примеру, в завещании от 17 мая 1603 г. Захарий Андреевич Соболев признал, что он вместе со своим братом Халеем взял «деньги московские» у русского купца Бориса Коренина. Полученные ими 97 рублей в случае смерти завещателя должен вернуть сын Халея Павел [28, л. 311 об.]. В 1619 г. мещанин Константин Сидорович не желал возвращать родным покойной Тишки Семеновича взятые у их умершего родственника в Москве займы 31,5 рубля. Согласно показаниям ответчика, Тишка дал эти деньги не ему, а москвичу Третьяку Григорьевичу [31, л. 664 об.–665]. Сумма долга в копейках могла выражаться в литовских счетно-денежных единицах. Так, в источниках упоминается, что в октябре 1634 г. могилевский мещанин Иван Лазарович одолжил у другого мещанина Климентия Ермолиничя 16 коп копейками [32, л. 275 об.–277 об.].

Под влиянием русской правовой практики на заимствуемые суммы письменно составлялись «кабалы», или кабальные записи. Аналогичной формой юридического акта на землях Речи Посполитой были «церокграф»⁷, «лист вызнанный»⁸ или просто «лист».

В 1602 г. Максим Иванович и Корней Лахтионович составили в Смоленске кабальную запись на самую небольшую сумму из ныне зафиксированных – в 17 рублей «денег», которые покрывали разницу между наличными средствами и купленными ими соболями и «юхтами»⁹ [28, л. 7–7 об.]. Самая крупная сумма займа в 1000 рублей известна в совместной кабале райцы Козьмы Марковича, мещан Виктора Уласовича Лацкова и Василия Васильевича Ледвеева. Эти деньги в 1649 г. они взяли у русских купцов Микиты Ковшулина, Андрея Олиферова и его приказчика Евсения Федоровича Кислицина для покупки шкурок белок и пупков соболей [33, л. 838 об., 851 об.–852]. Кроме того, известны аналогичные письменные свидетельства на другие суммы русских денег [23, л. 1015–1015 об.; 24, л. 559–560; 29, л. 688 об.–689; 33, л. 141 об., 160–160 об., 181, 336, 460–460 об., 514 об.–515, 583, 662, 674 об., л. 732, л. 804 об.; 34, л. 184 об.–185; 35, л. 832].

Одновременно могли заключаться несколько сделок. Так, в 1645 г. могилевчанин райца Микита Дашкович и мещанин Яков Мартинович свои совмест-

⁴ Тканка – лента декоративной ткани, используемая для окаймления одежды, для подвязывания волос; чепец замужней женщины.

⁵ Державца – временный владетель и эконог государственного имени (державы), одновременно начальник местного государственного управления и суда.

⁶ Землянин – владетель недвижимой собственности, которая давала ему право голоса на сеймах.

⁷ Церокграф – собственноручное письмо.

⁸ Лист вызнанный – письменное подтверждение сделки, расписка.

⁹ Юхта, юфть – сорт кожи, получаемый особой обработкой шкур крупного рогатого скота, лошадей, свиней.

ные долги московским купцам закрепили в двух «церографях» на 262 рубля и на 100 рублей [29, л. 711–711 об.].

На рынках Могилева пользовался определенным успехом кредит товаром. Он мог приносить существенную прибыль для тех, кто его применял, что стимулировало торговую деятельность. Насколько выгодно было им пользоваться, видно из операций мещан Даниеля Дубковича и Федора Давыдовича Воскобойникова. В 1649 г. эти купцы получили от бурмистра Захарияша Сидоровича поташ. В Москве они продали его 5 бочек за 150 рублей «денег московских». Там же компаньоны приобрели 200 киевских мер зерна, которые реализовали в Киеве. В результате полученная прибыль составила 202 копы и 40 литовских грошей [30, л. 158 об.–159, 173–174].

На рынках Могилева русские монеты были привлекательны как предмет залога – «заставы». Их небольшие суммы были зафиксированы в инвентарях и завещаниях («тестаменты») некоторых мещан среди других ценных предметов. За некоторое время до 27 января 1642 г. в обеспечение суммы в 170 грошей житель Могилева Адам Дзивлевский передал 150 копеек еврейку Афрашу [21, л. 37–37 об.]. В том же году мещанин Ждан Бранка дал одному из своих сыновей в заклад 12 «капеекъ» [21, л. 905 об.–906]. Позднее, в 1648 г., два шнура из 270 свернутых «копеекъ московских» Семен Иванович Тубошинский заложил Михаилу Григорьевичу Белокурцеву за 9 злотых [33, л. 298–298 об.].

Русское серебро было наиболее востребовано при внешнеторговых контактах. Чаще всего за него могилевские купцы покупали в России пушнину – белку, соболя, горностаю и другое. К примеру, в 1624 г. мещанин Микита Турута отказывался оплачивать купленные Халимоном Кузминичем в России для него меха и вернуть Халимону полтину «деньгами» (50 копеек. – В.К.) [36, л. 141 об.]. В 1644 г. Овхим Иванович Хомутовский и Роман Ребрович Конинович совместно приобрели на Свинской ярмарке у русского купца Купрея Климшина соболей на 170 «рублей московских» [29, л. 688 об.–689]. Через два года Овхим Хомутовский вместе с бурмистром Иваном Парфеновичем купили там же у другого московского купца Андрея Оцферова соболю шубу и 60 сороков горностаевых шкур на общую сумму 318 рублей [35, л. 832–832 об.]. В 1602 г. известен единственный случай покупки лодки в Смоленске могилевцами Овсеєм Колобаем и Тишком Степановичем за 15 рублей [28, л. 31 об.].

Показательный эпизод с участием русских денег произошел в 1628 г. В могилевский магистрат обратился райца Михаил Григорьевич с жалобой на своих компаньонов Давида Антоновича, Ивана Семеновича Хомутовского и Андрея Карпушина. Когда истец был в Вязьме, у него вызвали интерес принадлежавшие местному купцу Никифору Балакину 34 сорока соболей. Поскольку нужных наличных средств у Михаила не оказалось, он предложил Никифору приехать с товаром в Могилев и продать

его там. От себя лично и имени своих компаньонов райца обещал заплатить 300 рублей «копейками старыми», доплачивая на каждый рубль «наддачи»¹⁰ по два алтына (*т. е. 6 копеек.* – В.К.). Предполагалось, что требуемые деньги будут приобретены на ярмарке в Ярославле. Однако не все сложилось гладко. Первым в Могилев приехал «москвитин» и попытался реализовать свой товар за более высокую цену – 600 рублей. Могилевские же купцы привезли домой лишь полуторагрошовики и «орты крыжовые»¹¹, чем и попытались расплатиться с жителем Вязьмы. Тот не пожелал брать этих денег и высказал много обидных слов в адрес райцы и его компаньонов. Могилевчане попытались найти «старые» копейки в городе. В поисках им сопутствовал успех, но и в этом случае возникли трудности. Владелец русских монет Овхим Пантелеевич захотел также извлечь выгоду и предложил доплатить ему на рубль по десять алтын (30 копеек. – В.К.). Точно не установлено, что подтолкнуло жителя Вязьмы согласиться на условия могилевских мещан. Возможно, он нуждался в средствах на обратный путь. Тем не менее, он принял оплату за свой товар теми деньгами, что были в наличии, и уехал домой.

Через некоторое время Михаил Григорьевич вновь отправился в Вязьму. Там он встретил Никифора Балакина. Никифор начал всячески попрекать могилевчанина, что обошлись с ним в Могилеве не по чести и не по слову его купеческому. Несмотря на то, что в сделке участвовало еще несколько лиц, Михаила, как инициатора, привлекли к суду в Вязьме. Участие жителей Речи Посполитой в проведении судебных действий не избавило мещанина от больших денежных трат. Согласно решению суда, он должен был отдать истцу, «тому кушцу Болакину», перед «добрыми» людьми 200 талеров. К тому же вяземский купец взял у него шкатулку, евангелие-апостол печатный и других «немало речей». Дома в могилевском суде свои потери мещанин оценил в 700 польских злотых и просил у судей содействия, чтобы его товарищи по справедливости компенсировали эти траты [23, л. 996–998].

Еще одна категория документов связана с различными случаями похищения русских монет как на территории Русского царства, так и на землях Речи Посполитой. Нередко эти преступления совершались по пути следования торговцев к ярмарочным центрам и во время самих ярмарок. К примеру, в 1625 г. в Острове¹² у полоцкого мещанина Кондратия Яковлева было украдено 27 рублей русских денег [1, с. 87]. В 1638 г. похожий случай произошел по дороге в Псков с дисненскими купцами Алексеем Степановым и Иваном Андреевым. У них было похищено 11 рублей денег [1, с. 154]. В 1643 г. в Курске у жителя Могилева Ходка Ивановича Месоедова было украдено 28 рублей «денгами московских грошей». По горячим следам последний из пострадавших обвинил в краже местного казака и его жену, позднее уже в Константинове¹³ он приписал содеянное могилевскому мещанину Илье Тимофеевичу и его сыновья-

¹⁰ Наддача – прибавка, надбавка.

¹¹ Орт крыжовый – четверть талера Испанских (Южных) Нидерландов или патагона.

¹² Ныне – г. Остров, Псковская область, Российская Федерация.

¹³ Ныне – село Константинов, Недригайловский район, Сумская область, Украина.

ям [24, л. 848 – 848 об.]. В 1649 г. по пути в Вязьму крестьяне русского боярина Никифора Собакина украли у смоленского купца Осташки Кононова-Дубинина деньги, в том числе и 7,5 рубля русских денег [18, с. 43].

В Вязьме произошел случай, обстоятельства которого были записаны как в документах Русского царства, так и в актах Речи Посполитой. В 1643 г. на Литовском гостином дворе у могилевчан Виктора Уласовича и Логвина Омеляновича было похищено 6 мешков с деньгами. В одном из них были 34,5 рубля и 28 талеров, а в другом – 300 талеров, 14 рублей и фунт тройных грошей. Как установило следствие, злоумышленником оказался один из пострадавших – Виктор Уласович. Соблазвившись крупной суммой, он решил присвоить эти средства себе и сообщил о «краже». Многие из якобы похищенных ценностей оказалось у Виктора Уласовича в принадлежавшем Омеляновичу мешке, а некоторая их часть была закопана в навоз на гостином дворе [1, с. 184; 24, л. 723].

В переписке пограничной администрации Русского царства и Речи Посполитой упоминаются случаи преступлений, в которых называются русские деньги. Так, в 1649 г. наместник Невеля Самуил Тряпша писал воеводе Великих Лук князю Даниле Степановичу Великому-Гагину, что 3 января 1649 г. в Невельском уезде в поместье Казимира Корсака дворяне Луцкого уезда Василий и Федор Григорьевичи Хомутовы всячески издевались над крестьянином Сенькой Томиловым и забрали у него русских копеек и талеров на 300 рублей [18, с. 29].

Различные случаи похищения монет на территории Речи Посполитой показывают, что русское монетное серебро представляло несомненный интерес для преступников. Посягавшие на чужое имущество люди не принадлежали к какой-либо конкретной категории населения. Среди них встречались близкие родственники пострадавших, жители того же города и иногородние, подчиненные и наемные работники, купцы и их сыновья, деклассированные элементы и иные лица. Так, в 1635 г. могилевский мещанин Марк Кузминич посадил в тюрьму свою жену Марию Трычубиху и забрал заложенное ею у еврея Еска Телияшовича имущество [32, л. 264 об.]. Чаще всего местом злодеяний становились торговые пути. Чтобы получить желаемое, злоумышленники использовали любую подвернувшуюся возможность. Так, в 1618 г. на выезде из Шклова «люди своволне» ограбили могилевского мещанина Ждана Богдановича, воспользовавшись тем, что его компаньоны Семен Бушак, Давид Григорьевич Белокурцов, Мина Микулинич и Оникей Рамнин оставили его одного [31, л. 44 – 44 об.]. Похищаемые суммы русских копеек были от относительно небольших до очень крупных [24, л. 185 об., 846, 1175; 29, л. 439 об.; 31, л. 44 – 44 об.; 32, л. 264 об., 461].

Важной составляющей криминальных дел является сопутствующая информация. К примеру, в перечнях украденных предметов встречаются упоминания не только о монетах, но и об изделиях, в которые они входили. Так, в 1636 г. у могилевского

мещанина Терешки Шинкаря украли серебряные крестики и копейки [32, л. 461]. В ночь с 16 на 17 декабря 1643 г. из дома могилевского еврея Ахрона Мошковича неизвестные похитили шкатулку, в которой были монисто с копейками и кошелек предположительно с 3 рублями копеек [24, л. 1175].

Преступление могло совершаться и по предварительному сговору. В ночь 22 июля 1645 г. у могилевского мещанина Терешки Ларковича было похищено его челядницей¹⁴ Авдотьей немало вещей, в том числе и «корали» с копейками и крестиками. Подговорил ее на это злодеяние некий Васка Богданович Лыга, который пообещал взять Авдотью с собой в Украину [29, л. 514 об.–515].

Показательный эпизод с участием русских копеек произошел в 1624 г. В суде представители могилевского магистрата бурмистр Богдан Игнатович и райцы Никифор Гапонович и Тимофей Ярошевич сделали заявление, что, будучи в Вязьме, видели у мещанина Парфена Ивановича обрезки от московских копеек «на гривен чотыры». Со слов этого мещанина было записано, что он намеревался продать их в Вязьме, сейчас у него осталось в наличии «фунтов чотыры без дванадцати золотников». Оказалось, что, будучи пьяным, он получил их от другого могилевского мещанина Мартина Купинича. В свою очередь тот подтвердил, что эти обрезки принадлежат ему. Купинич купил их на ярмарке в Витебске у неизвестного ему еврея [36, л. 254–254 об., 384, 418–419 об.].

В первой половине XVII в. русские копейки находили применение во внеэкономической сфере. Белорусские горожане жертвовали их на нужды церкви. Так, в перечне растроченных доходов Пречистенской церкви в Бресте были названы «денги Московские» [16, с. 371, 415]. Из свернутых в трубочку копеек женщины делали себе украшение – монисто («корали»). Реестр приданого дочери брестского мещанина Филиппа Буркевича от 10 ноября 1638 г. среди передаваемых вещей называет шнур с копейками [16, с. 316]. Косвенно о подобном назначении этих русских монет можно судить из двух жалоб брестского священника Михаила Ярошевича, которые он подал в суд в 1640 г. и в 1643 г. В них копейки («денги» *документа*. – В.К.) упоминаются среди растроченного церковным старостой Иваном Белькевичем церковного имущества вместе с украшениями («королями») [16, с. 371, 415]. Свернутые в трубочку копейки-«корали» известны как среди единичных находок, так и в составе кладовых комплексов [8, с. 213–215; 12, с. 76–79].

Как сообщают документы, для мониста из копеек жители Могилева использовали специальное название – «каралы копеековые» [33, л. 711]. Но часто ему давалось более описательное определение – «каралы с копейками» [24, л. 166 об.; 29, л. 515; 33, л. 421 об.; 35, л. 407 об.]. Ожерелье с копейками могло быть комбинированным. В состав такого изделия могли входить вместе со свернутыми в трубочку копейками крестики, янтарь и некие выпуклые предметы («пукли») [33, л. 298 об., 422, 711; 35, л. 407 об.]. Как записано в обращении в

¹⁴ Челядница – домовая служанка.

суд 18 декабря 1643 г. Ахрона Мошковича, одно из подобных украшений носили дети, и среди его составляющих частей были хрусталь в серебряной оправе, оправленные в серебро янтарь и когти рыси, а также полкопы копеек [24, л. 1175].

Попытка служанки полоцкого купца Паука Федоры Моргунович переделать серебряные копейки в украшение стала причиной возникновения грандиозного пожара 29 июля 1643 г. в Полоцке. В результате чего «все место Полоцкое – замок вышни и нижни, коллеиум, костелы, церкви, ратуш, вежи паркан и все оздобы (башни и городская стена и все красоты. – В.К.) места Полоцкого в пошел обратились». По судебному приговору от 2 сентября «та девка» была заживо сожжена в поле за городом [5, с. 184–185; 9, с. 213; 12, с. 76; 19, с. 350–353].

Одной из новых функций русских копеек становится эпизодическое употребление их во время погребального обряда как «оболы мертвых» («монеты Харона»), или платы за выкуп места покойнику. Зарегистрировано несколько копеек Михаила Федоровича, найденных в переотложенном состоянии на территории могильника дер. Снядин [26, с. 120–121].

Таким образом, на основании актовых материалов следует говорить, что в первой половине XVII в. на землях Беларуси продукция денежных дворов Русского государства занимала более весомое место,

чем предполагалось ранее. В это время ею продолжалось освоение рынков белорусских земель. Активную роль в данном процессе играли купцы Могилева и жители приграничья. Документы показывают, что из всей совокупности русского монетного серебра XVI в. – первой половины XVII в. население Великого Княжества Литовского отдавало предпочтение чеканке XVI в. – начала XVII в., а не монетам Михаила Федоровича (1613–1645).

Начиная с 20-х гг. XVII в. письменные источники фиксируют самый крупный монетный номинал России – «копейку». Именно с этого времени он прочно вошел в систему денежного счета на территории Великого Княжества Литовского и постепенно стал наиболее распространенным среди других собирательных наименований русских монет.

Деньги Русского государства продолжали активно использоваться во многих сферах рыночной жизни белорусских земель. В документах известны несколько причин их упоминания: 1) оценка предметов; 2) кредит в устной и письменной форме; 3) залоговые операции; 4) купля-продажа; 5) криминальные дела. На территории Беларуси русские монеты находили применение и во внеэкономической сфере: 1) высокопробное сырье для ювелирного производства; 2) полуфабрикат для женских украшений («коралей»); 3) «оболы мертвых», или платы за место погребения; 4) дар в церковь.

Источники:

1. Русско-белорусские связи: сборник документов: (1570–1667 гг.) / отв. ред. Л.С. Абецдарский, М.Я. Волков. – Мн.: Высшая школа, 1963. – 534 с.
2. Рябцевич, В.Н. Монетная медь Алексея Михайловича в кладах Белоруссии и Украины / В.Н. Рябцевич, В.А. Титок // Древности Белоруссии. Доклады к конференции по археологии Белоруссии. – Мн., 1969. – С. 427–435.
3. Рябцевич, В.Н. Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии / В.Н. Рябцевич // Нумизматика и сфрагистика. – Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1963. – Вып. 1. – С. 152–202.
4. Рябцевич, В.Н. О чем рассказывают монеты / В.Н. Рябцевич. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Мн.: Народная асвета, 1978. – 399 с.
5. Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси / В.Н. Рябцевич. – Мн.: Полымя, 1995. – 686 с.
6. Рябцевич, В.Н. Денежное обращение и клады на территории чернигово-северской земли и восточной Белоруссии в XVI в. / В.Н. Рябцевич // Нумизматика и сфрагистика. – Киев: Наукова думка, 1968. – Вып. 3. – С. 168–187.
7. Колобова, И.Н. Монетные клады Гродненской области XVI–XVII вв. / И.Н. Колобова // Культура Гродзенскага рэгіёну: праблемы развіцця ва ўмовах палітэнічнага сумежжа: зб. навук. пр. / Адк. рэд. А.М. Пяткевіч. – Гродна: ГрДУ, 2003. – С. 225–229.
8. Рябцевич, Д.В. «Денги Московские» в Великом княжестве Литовском XVI–XVII вв. (денежная и товарная функции) / Д.В. Рябцевич // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Псков, 15–20 апреля 2002 г. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2002. – С. 196–198.
9. Рябцевич, Д.В. Полоцкий пожар 1643 года / Д.В. Рябцевич // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. IV Міжнародная канферэнцыя 23–24 кастрычніка 2002 г. – Полацк, 2002. – С. 213–215.
10. Рябцевич, Д.В. Российская монета на рынках Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв.: Общий анализ свода и топографии кладов / Д.В. Рябцевич // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–21 апреля 2001. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2001. – С. 196–197.
11. Рябцевич, Д.В. Российские монеты XVI–XVII вв. на рынках западных регионов Великого княжества Литовского (Брестщина, Гродненщина, Литва) / Д.В. Рябцевич // Культура Гродзенскага рэгіёну: праблемы развіцця ва ўмовах палітэнічнага сумежжа: зб. навук. пр. / Адк. рэд. А.М. Пяткевіч. – Гродна, 2003. – С. 220–225.
12. Кобринец, В.А. Копеечные «корали» XVII века (полоцкая находка 1990-х гг.) / В.А. Кобринец // Банкаўскі веснік. – 2008. – № 7 (408), март (спецывыпуск). – С. 76–79.
13. Абецдарский, Л.С. Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII вв. / Л.С. Абецдарский. – Мн.: Вышэйшая школа, 1978. – 256 с.
14. Мелешко, В.И. Могилев в XVI – середине XVII в. / В.И. Мелешко. – Мн.: Наука и техника, 1988. – 264 с.
15. Кобринец, В.А. Документы Могилевского магистрата последней четверти XVI в. о «деньгах Московских» / В.А. Кобринец // Архіварыус: зб. навук. наведан. і арт. – Мн.: НГАБ, 2014. – Вып. 12 / рэд. Ю.М. Бохан [і інш.]. – С. 148–160.
16. Акты, издаваемые Виленскою Археологическою комиссиею: в 39 т. (далее – АВАК) / сост. Я.Ф. Головацкий [и др.]. – Вильно: Типография губернского правления, 1872. – Т. 6: Акты Брестского гродского суда (поточные). Акты Брестского подкоморного суда. Акты Брестской магдебургии. Акты Кобринской магдебургии. Акты Каменецкой магдебургии. – 593 с.
17. АВАК: в 39 т. / сост. Ю.Ф. Крачковский [и др.]. – Вильно: Типография «Русский почин», 1901. – Т. 28: Акты о евреях. – 439 с.

18. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией: в 15 т. / Под ред. Н.И. Костомарова. – СПб.: Типография П.А. Кулиша, 1861. – Т. 3: Дополнения к Третьему тому актов для истории Южной и Западной России. – 134 с.
19. Археологический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: в 14 т. / сост. Н.А. Гильтебрант [и др.]. – Вильно: Типография губернского правления, 1867. – Т. 1. – 409 с.
20. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске: в 32 т. / Под ред. А.М. Созонова. – Витебск: Тип. Витебского Губ. Правления, 1877. – Вып. 8. – 530 с.
21. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 13.
22. Szelągowski, A. Pieniądz i przewrót cen w XVI i XVII wieku w Polsce / A. Szelągowski. – Lwów: Nakładem towarzystwa wydawniczego, 1902. – 317 s.
23. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 10.
24. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 14.
25. Малевич, В.А. Русская монета в кладах первой половины XVII в. на территории Гродненской области / В.А. Малевич // Банкаўскі веснік. – 2010. – № 7 (480), март (спецавыпуск). – С. 72–79.
26. Иов, О.В. «Оболы мертвых» Снядинского могильника середины XVI–XVII вв. / О.В. Иов // XII Всероссийская нумизматическая конференция (далее – ВНК). – М., 2004. – С. 120–121.
27. Кобринец, В.А. Об обменном курсе русской серебряной копейки на рынках Великого княжества Литовского в XVI – первой половины XVII вв. / В.А. Кобринец // Нумизматический альманах. – 2009. – № 4 (38). – С. 2–9.
28. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 6.
29. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 16.
30. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 19.
31. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 8.
32. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 11.
33. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 18.
34. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 7.
35. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 17.
36. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 9.